

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МИРОВОЙ ПОРЯДОК В НОВЫХ РЕАЛИЯХ ПОСТКОВИДНОГО МИРА

© 2021 г. А. А. Дынкин^{а,*}, Е. А. Телегина^{а,**}

^а *Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия*

**E-mail: dynkin@imemo.ru*

***E-mail: telegina.engin@gmail.com*

Поступила в редакцию 14.01.2021 г.

После доработки 14.01.2021 г.

Принята к публикации 20.01.2021 г.

В статье рассматриваются контуры ускоренной трансформации архитектуры мирового порядка под воздействием многочисленных кризисных шоков, связанных с последствиями пандемии COVID-19 в 2020–2021 гг. Авторы оценивают тренды глобализации–деглобализации, нарастающей биполярности мироустройства, которая рассматривается как следствие обострения американо-китайской конфронтации. Анализируются подходы КНР относительно существенных структурных сдвигов в экономических приоритетах. В заключение формулируются предложения по изменениям российской экономической политики.

Ключевые слова: глобальные кризисы, мировая экономика, пандемия, архитектура мирового порядка, технологии, экстернальные шоки, промышленная политика, Россия, Китай, ЕС, Индия, США.

DOI: 10.31857/S0869587321070033

Начало 20-х годов XXI столетия уже вошло в историю как время глобальных кризисов – гуманитарных, экономических, социально-политических, кризиса системы здравоохранения. 11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила пандемию COVID-19. На середи-

ну мая 2021 г. количество её жертв в мире составляет уже почти 3.5 млн человек, инфицировано более 167 млн (рис. 1). И сегодня, спустя почти год, несмотря на начало массовой вакцинации, никто не рискует предсказать сроки окончания поразившей человечество эпидемии.

Глобализация в условиях пандемии. Очевидно, что пандемия ускорила уже наметившиеся структурные сдвиги в обществе, экономике, глобальном управлении, политике. Мир скачкообразно, за один год, оказался, условно говоря, в конце второго десятилетия XXI в. – как если бы тенденции начала 20-х годов развивались постепенно, как в “мирное время”.

Было бы весьма опрометчиво предрекать полный коллапс глобализации: этот процесс замедлился в сфере торговли товарами, миграции рабочей силы, но ускорился в сфере услуг благодаря цифровым платформам, гиг-экономике, онлайн-сервисам. К маю 2020 г. объём мировой торговли сократился на 17.6% по сравнению с базовым значением 2019 г., однако летом, в “антракте” между двумя волнами заболевания, торговля товарами на короткий период взрывообразно возросла.

ДЫНКИН Александр Александрович – академик РАН, президент ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. ТЕЛЕГИНА Елена Александровна – член-корреспондент РАН, ведущий научный сотрудник ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

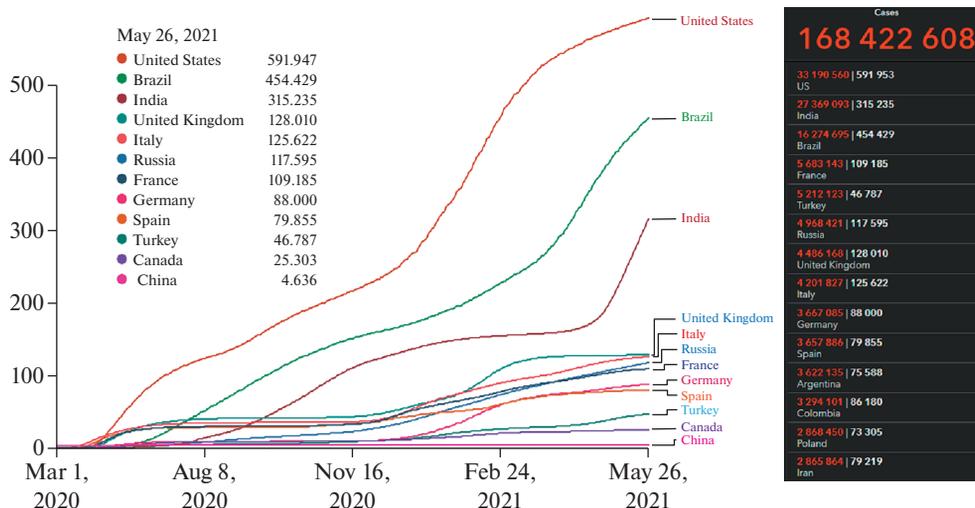

Рис. 1. Количество смертей в мире на 26.05.2021 и прирост новых случаев коронавируса в мире
 Источник: <https://coronavirus.jhu.edu/map.html>; John Hopkins University CSSE COVID-19 Data <https://ourworldindata.org/coronavirus>

В итоге к августу сокращение объёмов торговли в годовом выражении составило всего 4.4%. К октябрю показатели мировой торговли вернулись на уровень января 2020 г., опережая темпы роста ВВП, но в конце года вновь наметился спад. На наш взгляд, основные причины наметившейся деглобализации не экономические, а геополитические. В период с ноября 2019 по май 2020 г. вновь вводимые странами Большой двадцатки барьеры ежемесячно распространялись на торговые потоки объёмом 52.2 млрд долл., а в июне–ноябре 2020 г. — только на 7.2 млрд долл., то есть в 7 раз меньше.

В 2020 г. коронавирусный шок обусловил спад ВВП подавляющего большинства стран мира. По оценкам МВФ к октябрю потери мирового ВВП уже составили 3.7 трлн долл., что сравнимо с ВВП

Германии — порядка 4 трлн долл. (табл. 1) [1]. Потери от второй волны ещё только предстоит оценить. Крупнейшие экономики Европы в декабре оказались в жёстком локдауне. Тем не менее начало масштабной вакцинации населения планеты не только позволяет надеяться на победу над ковидом, но и подтверждает необходимость объединения усилий государств в борьбе с глобальными вызовами, неотвратимость международной кооперации на фармакологическом рынке вопреки частным интересам. Однако приходится с сожалением констатировать, что, несмотря на очевидный императив согласованных действий, складывающаяся биполярность современного мироустройства отразилась на рынке вакцин. Очевидными жертвами этой “гибридной фармакологической войны” становятся граждане развивающихся стран.

Таблица 1. Перспективы выхода мировой экономики из кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Промежуточный прогноз Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), темпы роста ВВП, %

	2020	2021	2022
Мир	-3.4	5.6	4.0
США	-3.5	6.5	4.0
Еврозона	-6.8	3.9	3.8
Китай	2.3	7.8	4.9
Индия	-7.4	12.6	5.4
Бразилия	-4.4	3.7	2.7

Источник: OECD Interim Economic Outlook Forecasts, March 2021. <https://www.oecd.org/economic-outlook/>

Тенденции развития Китая в новых условиях. Пандемия подтвердила, что основным локомотивом мировой экономики остаётся Китай. Экономика КНР — единственная, ВВП которой в 2020 г. не только не сократился, но в годовом измерении вырос, а в 2021 г. прогнозируется его рост более чем на 8%. Состоявшийся в конце октября 2020 г. 5-й пленум ЦК КПК 19-го созыва утвердил основные принципы 14-го плана социально-экономического развития на 2021–2025 гг. и долгосрочные ориентиры на период до 2035 г. Председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что цель удвоить к 2035 г. размер экономики и дохода на душу населения полностью достижима.

Модель развития Китая в 2020 г. существенно изменилась. Страна отказывается от роли “мировой фабрики” в пользу стратегии “двойной циркуляции” (или “двойного обращения”), в соот-

ветствии с которой КНР должна стать мировым поставщиком новых технологий. Китайское руководство признаёт, что сложность и нестабильность международной ситуации усиливается, и это весомый стимул для того, чтобы снизить зависимость от внешних рынков, сфокусироваться на внутреннем потреблении. В соответствии с официальной трактовкой “двойной циркуляции” утверждается сосуществование внешнего и внутреннего экономического оборота, но теперь главная роль отводится внутреннему обращению. “Двойная циркуляция” становится оружием Пекина в борьбе за научно-технологическую и торгово-экономическую самостоятельность. Приоритет внутреннего производства и внутреннего потребления превращается в гарантию экономической устойчивости и будущего роста. Уже сейчас, согласно официальной китайской статистике, к среднему классу относятся 400 млн человек — около трети населения страны. Программа удвоения объёма экономики, как предполагается, позволит увеличить их ряды к 2035 г. до 800 млн.

Осуществить этот план будет непросто. В мае 2020 г. премьер КНР Ли Кэцян сообщил, что 600 млн китайцев относятся к группе со средними и низкими доходами. Они зарабатывают около 1 тыс. юаней в месяц (примерно 150 долл.), негативные экономические последствия пандемии сделали их жизнь ещё труднее. В качестве одного из рецептов расширения прослойки состоятельных потребителей китайское руководство рассматривает продолжение урбанизации. С нынешних 60% доля городского населения в Китае вырастет к 2035 г. как минимум до 75%. Кроме того, китайским властям предстоит создать реально действующую систему социального обеспечения, которая внушила бы людям уверенность в стабильности их материального положения и тем самым способствовала бы расширению потребления, а значит, и внутреннего обращения. Сейчас же китайцы со средними и низкими доходами склонны копить деньги на старость.

Пленум ЦК КПК не определил конкретных цифр ежегодного роста ВВП на ближайшие годы. Но простой расчёт показывает, что для выполнения задачи удвоить к 2035 г. объём экономики требуется рост примерно на 5% в год. Самый нижний предел — 4.7%. Лишь в этом случае представители китайского среднего класса составят более половины населения страны.

В 2020 г. ВВП на душу населения в КНР превысил 10 тыс. долл., приблизившись к установленному Всемирным банком пороговому значению в 12 535 долл. для стран с высоким уровнем дохода. Достижение этого предела тревожит многих китайских экономистов, которые опасаются, что Китай может попасть в ловушку среднего уровня дохода, то есть дальнейшее повышение

этого показателя окажется затруднительным. Чтобы избежать этого, властям придётся уделять больше внимания структурным реформам экономики, а также искать ответ на демографический вызов — население страны уже стареет, а через 5–10 лет начнёт сокращаться. Проблемы социального обеспечения, здравоохранения и повышения доходов превращаются для Китая в серьёзный неотложный вызов.

Россия после COVID-19. Траектория посткризисного восстановления российской экономики не вполне очевидна. Пространство уменьшения ставки ЦБ уже почти исчерпано, риски дальнейшей сверхмягкой политики очевидны: переток банковских вкладов на фондовый рынок и ипотечный пузырь. В арсенале ЦБ остаётся смягчение банковского регулирования. И оно происходит. Уже реструктурированы кредиты на сумму 6.6 трлн руб. Кроме того, уход рублёвых активов в валюту парируется золотовалютными интервенциями. Это текущая динамика.

Но перед экономикой стоят фундаментальные проблемы. Главный вызов — необходимость повышения уровня жизни, доходов населения. Чтобы решить эту задачу, есть два взаимосвязанных пути: экономический рост и становление инновационной экономики. И здесь, увы, нет того звена, “потянув за которое можно вытащить всю цепь”, нет волшебного рецепта. Многим кажется, что, напечатав деньги, можно стимулировать инвестиции, при этом ссылаются на зарубежный опыт количественного смягчения. Однако статистика 2020 г. свидетельствует, что Россия смогла ограничить падение ВВП существенно меньшими денежными интервенциями, чем большинство крупных экономик (рис. 2).

Если сокращение темпов роста российской экономики в 2020 г. не превысит 4%, то за десятилетие 2011–2020 гг. среднегодовой прирост окажется ниже 0.9%. Что это значит с точки зрения международных сопоставлений? Многие наши экономические обозреватели оживлённо комментировали тот факт, что Китай обогнал Соединённые Штаты по ВВП (по паритету покупательной способности). Это серьёзное достижение, и американцы с этим смирились, сместив фокус соперничества в технологическую сферу — в область искусственного интеллекта, квантовых вычислений, облачного программирования, финансовых технологий и т.д. Но те же обозреватели упустили из виду куда более важное для нас событие: в 2020 г. (по оценке МВФ в текущих ценах) китайцы опередили Россию по показателю ВВП на душу населения (10582 долл. против 9972 долл.). Конечно, в определённой мере это следствие курсовых изменений, но звонок прозвучал. Ещё в 2010 г. мы опережали китайцев по этому показателю в 2.5 раза [2]. Вот что значат высокие темпы

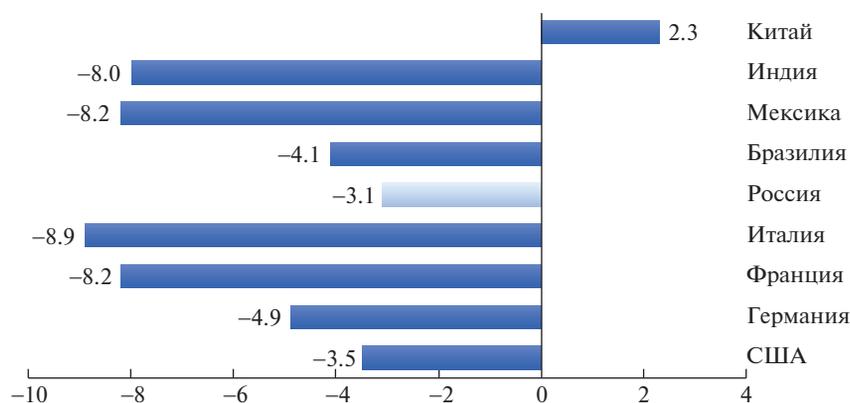

Рис. 2. Падение ВВП России в 2020 г. в сравнении с другими странами, % (оценка МВФ)

Источник: IMF, World Economic Outlook, April 2021.

<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021>

технологических изменений и экономического роста.

Трудно согласиться с призывами “распечатать кубышку” и тем самым стимулировать инвестиции. Эти вещи много раз обсуждались и даже проверялись. Вспомним “ускорение на базе машиностроения”. Президент России не устаёт говорить о важности макроэкономического здоровья экономики. Экономическая наука давно оценила моральный ущерб промышленной политики. Дело в том, что с макроэкономической точки зрения промышленная политика означает национализацию потерь и приватизацию прибылей. Мы вынужденно пользуемся этим инструментом. И он приносит результаты, например, в сельском хозяйстве, производстве продовольствия, давно ждём эффектов в гражданском самолётостроении. До тех пор пока у нас недостаточно стабильны деловая среда и финансовые рынки, не развита конкуренция, без этого инструмента не обойтись, но считать его универсальным рецептом — заблуждение.

Инновационная экономика должна решать задачи обороноспособности и национальной безопасности, здесь мы неплохо справляемся. Но уроки СССР заставляют постоянно держать в фокусе внимания и невоенные параметры безопасности. А они уже близки к предельным. У нас в 2018 г. соотношение федеральных расходов на здравоохранение и образование (без науки и культуры) к оборонным составляло 2.3 раза, в то время как медианное значение для 15 стран — лидеров по затратам на оборону — 7.3 (например, во Франции), а в Японии — 15. Одновременность санкций и угроза новой гонки вооружений могут создать тяжёлый мультипликативный эффект [3].

Перед нами стоит задача тиражирования инноваций, то есть создания на своей территории высокой добавленной стоимости. Если удастся

этого добиться, то в национальной экономике будет увеличиваться доля высококвалифицированного труда и соответственно повышаться его оплата и уровень жизни. Какие ресурсы здесь можно было бы использовать?

В странах — инновационных лидерах доля государственной собственности составляет 5—10%. Китай демонстрирует блестящие инновационные достижения при доле госпредприятий в ВВП порядка 30%. У нас, по скромным оценкам, государственная собственность достигает 45—50%. Тем самым мы институционально ограничиваем пространство инновационной конкуренции в экономике. Там, где конкуренция существует (мобильная связь, цифровые платформы, банковский сектор), ситуация лучше. Скажем, Россия занимает второе место в мире по количеству онлайн-платежей на душу населения.

Продавать перспективы ради привлечения инвесторов — природное свойство инновационной деятельности. Но наступает момент, когда приходится предъявлять реальный продукт. Иными словами, у нас много активистов повышения собственной наукоёмкости, обещающих инновационные прорывы. Но когда дело доходит до, скажем, отдачи от науки, нередко оказывается, что результата нет. Хорошо, что сохранились традиционные медико-биологические центры, иначе мы могли бы остаться без отечественных вакцин. Это одна из причин недавней реформы институтов развития. Углубляясь в тему, нельзя не увидеть в инновационных стратегиях продолжающуюся ориентацию на технократический результат, а не удовлетворение общественных потребностей или платёжеспособного спроса. Очевидны слабость или институтов защиты интеллектуальной собственности, высокие риски венчурных инвестиций, использование линейных, вертикально-интегрированных инновационных моделей, в то

время как мир давно перешёл к нелинейным, горизонтально организованным структурам. У нас сохраняется архаичное патентное право, ограничивающее возможности защиты интеллектуальной собственности и капитализации результатов инноваций. Все эти обстоятельства должны учитываться в регулировании отечественной экономики.

Что касается отношений с США, то перспективы их улучшения не просматриваются. Скорее, избрание Д. Байдена вернёт их от завышенных ожиданий и пустой риторики в состояние “нормальности”. Но саммит президентов двух стран 16 июня 2021 г. может смягчить напряжённость по нескольким вопросам двусторонней повестки. Максимальные ожидания – “локальное потепление”. Это означает поиск компромиссов по контролю над вооружениями, стратегической стабильности, но одновременно сохранится санкционное, информационное, идеологическое давление на Москву со стороны Вашингтона. Ныне сотрудничество между Россией и США сводится к взаимодействию Роскосмоса и НАСА по МКС и торговым отношениям. Товарооборот между двумя странами в 2020 г. составил 23.9 млрд долл., сократившись на 8.97% по сравнению с предыдущим годом. США стали шестым внешнеторговым партнёром России. По-видимому, максимум к чему стоит стремиться – это предотвращение войны “по ошибке” – из-за компьютерного сбоя или человеческого фактора.

Если посмотреть на реалии наших отношений с Европейским Союзом, распространившимся от Лиссабона до Таллина, то можно утверждать, что в Европе сложились своего рода “прифронтовые” государства, поддерживающие свой антироссийский статус. Это пояс от Бухареста до Таллина. Их политика поощряется финансовыми, политическими, военными и другими преференциями. По данным Евростата, в 2019 г. ежегодные дотации Литве только от бюджета ЕС составили почти 3.2% ВВП этой страны, Латвии – 4.51%, Эстонии – 4.17%, Польше – 3.09% [4]. Для них, как и для европейских атлантистов, конфликт на Донбассе стал питательной средой. Поэтому так необходим поиск компромисса по Донбассу. Что касается “Минских договорённостей”, то они превратились в “перпетуум мобиле”: их невыполнение Киевом создаёт повод для ежегодного продления антироссийских санкций уже в течение почти семи лет. А вот драматический конфликт в Нагорном Карабахе был заморожен Россией при “блестящем” отсутствии Европейского Союза, несмотря на все “восточные партнёрства”.

10 декабря 2020 г. министр иностранных дел России С.В. Лавров заявил: “Сегодня одна из основных целей Вашингтона сделать так, чтобы Евросоюз утратил свою стратегическую самостоя-

тельность и вернулся в лоно евроатлантического единства” [5]. Тем самым ЕС теряет свою суверенную субъектность, становится протекторатом в сфере безопасности. Если эта тенденция реализуется – это будет ещё один шаг в сторону новой биполярности.

Посткризисный миропорядок: предварительные контуры. Деградация отношений между США и Китаем становится константой посткризисного миропорядка. Для России, при сохранении привилегированного стратегического партнёрства с КНР, важно не ввязываться в американо-китайское противостояние. По крайней мере, следует оставаться на том же уровне вовлечения, на каком Китай поддерживает Москву в наших острых разногласиях с Европой по украинскому вопросу.

Сейчас критически важно сохранить полицентричное мироустройство. Одним из его влиятельнейших и независимых полюсов остаётся Индия. Эта страна – экономический гигант, третий в мире по размеру ВВП (по ППС) после Китая и США. У России на протяжении веков складывались с Индией устойчивые, добрые отношения, возможно, это связано с отсутствием общих границ, определённую роль играет и тот факт, что многие поколения российских индологов сформировали у россиян позитивный образ этой страны. Однако проблемой остаётся невысокий уровень наших экономических отношений. По данным Министерства торговли и промышленности Индии, в списке её торговых партнёров Россия с 8.5 млрд долл. товарооборота занимает лишь 25 место, в то время как США и Китай – первое и второе места. Очевидно, что российско-индийские отношения надо резко активизировать, опираясь на глубокую историческую традицию и индийскую политику неприсоединения, проводимую после обретения страной независимости.

В декабре 1998 г., во время официального визита в Дели Председатель Правительства России Е.М. Примаков выдвинул органичную идею треугольника Россия–Индия–Китай. Она ещё ждёт своего полномасштабного воплощения. Очевидно, что у России отношения с двумя другими вершинами этого треугольника лучше, чем у них между собой. Для индийской военно-политической элиты по-прежнему характерно недоверие к Пекину, подогреваемое пограничными спорами на севере Кашмира и в штате Аруначал-Прадеш, боевыми столкновениями в Гималаях. Мы проходили подобную стадию отношений с КНР в конце 1960-х – начале 1970-х годов, до делимитации российско-китайской границы. Тяжёлый региональный конфликт с Пакистаном, длящийся 70 с лишним лет, достался Индии в качестве одного из итогов распада Британской империи. А китайцы, как известно, весьма активны в Пакистане. Надо сказать, что опасения Дели в отношении

Пекина активно подогреваются США, которые стремятся втянуть Индию в антикитайский четырёхугольник с участием Японии и Австралии. В качестве аргумента американцы подчёркивают то обстоятельство, что Россия якобы всё сильнее вовлекается в орбиту Китая, а значит, Дели не следует рассчитывать на поддержку Москвы.

Что ждёт нас впереди? На этот вопрос можно ответить коротко. Россия лучше США и большинства европейских стран справилась с медицинскими и экономическими проблемами в минувшем году. Но в 2021 г. перед нами встают не менее серьёзные вызовы и задачи. Ускоренная трансформация мира, рост горизонтальных связей и взрывной спрос на онлайн-услуги, стремительное развитие искусственного интеллекта и нарастание социальной напряжённости, в том числе в связи с вынужденной изоляцией, смещение фокуса интересов общества от политических и экономических тем к вопросам выживания и безопасности диктуют необходимость осознанного и социально ответственного поведения не только государств, но и каждого отдельного гражданина.

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ

Статья подготовлена в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конку-

ренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение № 075-15-2020-783).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Antras P.* De-globalization? Global value chains in the post-COVID-19 age. National Bureau of Economic Research, November 2020. URL: De-Globalisation? Global Value Chains in the Post-COVID-19 Age | NBER (дата обращения 12.12.2020).
2. World Economic Outlook Database. International Monetary Fund, October 2020.
3. *Дынкин А.А.* Международная турбулентность и Россия // Вестник РАН. 2020. № 3. С. 208–219.
4. EU expenditure and revenue 2014–2020. Eurostat. https://ec.europa.eu/budget/graphs/revenue_expenditure.html (дата обращения 25.12.2020).
5. Вступительное слово министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на XXVIII Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике (СВОП). Москва, 10 декабря 2020 года. <https://russische-botschaft.ru/ru/2020/12/14/vstupitelnoe-slovo-ministra-inostr-6/> (дата обращения 27.12.2020).